УДК 321.01

# Р. КОЛЛИНЗ О КРАХЕ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

***Ершов Юрий Геннадьевич,***
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления (филиал), заведующий кафедрой философии и политологии, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

*Аннотация*
В статье рассматривается макросоциологическая теория автономной динамики государства Р. Коллинза, объясняющая причины распада СССР. Анализируется совпадение бюджетного кризиса, внутриэлитного конфликта и утраты легитимности власти. Сделаны выводы относительно применения концепции Р. Коллинза к современному российскому государству.

*Ключевые понятия:*
геополитика, империя, государственный распад, легитимность.

Четверть века прошла со времени распада Советского Союза – срок ничтожный по мерке исторической вечности, но достаточный для осмысления причин и факторов «крупнейшей геополитической катастрофы XX века». Тема в высшей степени актуальная, равно как и болезненная, коль скоро по сей день затрагивает судьбы, умы и чувства, подчас противоположные, миллионов людей. Гибель мировой сверхдержавы продолжилась крахом так называемой «системы мирового социализма», аналогичным, но гораздо более кровавым распадом Югославии. Геополитическая обстановка в короткое время предстала новыми коалициями и противодействиями, изменила траектории и содержание развития стран мирового сообщества. Нынешние проблемы внутренней и внешней политики России также неотделимы от ее недавнего прошлого, довлеющего над настоящим.

Популярные, публицистические по жанру и идеологические по характеру объяснения краха СССР укладываются в целый спектр вариантов. От конспирологических – происков ЦРУ, мировой закулисы, проникшей на верхние этажи власти КПСС и с помощью «пятой колонны» покончившей с завоеваниями трудящихся и до саморазрушения тоталитарной системы как неизбежного следствия логики ее внутреннего развития. В ходу концепции, связывающие события, предшествующие августу 1991 года с политической и идеологической борьбой националистов, демократов, либералов, консерваторов и т.п. за власть. В этом случае исчерпывающей объяснительной силой наделяются понятия «обман», «ложь», «предательство», «неспособность», «идеология» и тому подобные. Все они отсылают в конечном итоге к сознательным целям социальных и политических акторов, к субъективно-личностной поверхности процессов, имеющих социально-тектоническую природу. Так, ныне забытый Н. Верт считал, что к осени 1990 года в советском обществе «произошла подлинная революция умов, сделавшая невозможным возврат к прежнему состоянию» [2, с. 518]. Вывод, по меньшей мере, странный, в свете его дальнейшего утверждения о нерешенности к тому же времени трех ключевых проблем перестройки – политического плюрализма, рыночной экономики и федеративного договора, тесно связанных между собой. Вывод скороспелый и необоснованный в свете нерешенности перечисленных проблем по сей день и состояния массового сознания, демонстрирующего ностальгию по «прежнему состоянию».

Разумеется, история – всегда деятельность преследующего свои цели человека, но ее объяснение, игнорирующее глубинные

структуры общественно-природного бытия человечества, сложные механизмы детерминации общественного развития, скатывается в вульгарную публицистику.

Множественность и неоднозначность детерминаций исторических событий неизбежно влечет за собой и многообразие подходов к их объяснению – по самым разным логико-методологическим основаниям. Следующим шагом становится теоретический синтез, реконструирующий любой процесс как единство и взаимопереплетение внешних условий и внутренних противоречий, цепей причинения в рамках единой целостности. Возможной основой подобного синтеза может быть теория автономной динамики жизни государства, не сводимой к динамикам основных сфер общества – экономической, социальной, культурной и т.д. Эта динамика проявляется в интенсивном (организационном) и экстенсивном (территориальном) росте государства, которое может переживать кризис, терять территорию, распадаться. Особое значение приобретает военная динамика, связанная с расходами на вооруженные силы, образующие вместе с административным аппаратом ядро государства. Кроме того, приоритетность внимания к государству оправдана тем, что именно государством «осуществляется поддержка идентичности социального целого в его движении от прошлого к будущему» [7, с. 142].

Распад СССР и системы мирового социализма означал крах одной из двух последних мировых империй современности. Такой вывод следует из ценностно – нейтрального определения империи как естественноисторической формы организации социально-политического пространства, появление и гибель которой связаны с объективными всемирно-историческими, экономическими и политическими процессами. «Как правило, – считает Д.М. Фельдман, – для имперского типа политической организации характерны следующие признаки: обширная территориальная основа; сильная централизованная власть; стремящиеся к экспансии элиты; асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией; разнородные этнический, культурный и национальный составы; наличие общего политического проекта, стоящего как бы над интересами конкретных групп» [8, с. 5]. Это определение имеет идеально-типический характер, поэтому империи, существовавшие когда-либо в истории, могут отличаться от него своими отдельными признаками. Например, отмечается, что российское государство развивалось как *внутренняя* империя. По нашему мнению, по большинству перечисленных признаков и Советский Союз, и современные США являются империями, коль скоро в сферу их влияния входят территории государств – сателлитов, выступающих под псевдонимом союзников. Если в «общий политический проект» входят формально независимые государства разного этнонационального и культурного состава, находящиеся в асимметричных отношениях подчинения, то появляются основания говорить о наличии империи. Впрочем, мы отдаем отчет в дискуссионности поставленного вопроса и необходимости его дальнейшего исследования.

В 1978 г. американский социолог и геополитик Рэндалл Коллинз (Randall Collins) предложил теорию, объясняющую изменения в территориальной власти государств. Применение этой концепции в начале 80-х годов прошлого века к анализу противостояния СССР и США дало результат, удививший самого автора, – она предсказывала будущий упадок, прошедшего пик своего могущества Советского Союза. Что поучительно вдвойне, Коллинз был еще сильнее удивлен внезапностью предсказанного события; сам он ожидал его в течение 30–50 лет.

(Нам же остается удивляться поразительному невниманию отечественных обществоведов к оригинальной разработке американского историка, социолога и геополитика, содержащей поучительные выводы).

Макросоциологическая концепция Коллинза базируется на ряде принципов геополитической динамики крупных и богатых ресурсами государств, склонных к территориальной экспансии военными средствами, причем стремление к имперскому или квазиимперскому могуществу становится для них modus vivendi, способом сохранения исторической субъектности («макросоциального лица»). Территориальная экспансия здесь не должна пониматься буквально, в более общем виде речь идет о пространстве политического влияния и контроля.

С завидной дотошностью Коллинз, претендующий на универсальность выдвинутых теоретических принципов, апробировал их на обширном историческом материале разных эпох и цивилизаций.

Среди них нас интересует, прежде всего, принцип, посвященный территориальной экспансии государства: «Чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции» [4, с. 241]. При этом отрицательные последствия территориальной экспансии проявляются быстрее, чем накопление ресурсов, питающих эту экспансию, – «империи, которые достигают точки чрезмерного расширения, имеют тенденцию терять контроль над военной организацией и политическим ру-

ководством в течение нескольких лет, что приводит к падению режима или раздроблению государства» [4, с. 242]. Этот принцип подтверждается историей как традиционных аграрных империй, так и логистическими ограничениями для современных морских империй и эффективности действия военно-воздушных сил.

Еще одна важная теоретическая предпосылка, не всегда учитываемая в модернизационных исследованиях, – в основе межгосударственного соперничества лежит престиж государства на международной арене, понимаемый как геополитическое господство, или, как минимум, геополитический паритет. В любом случае создается ситуация высокой межгосударственной геополитической напряженности – от интенсивной гонки вооружений и дипломатического противостояния до открытой вооруженной борьбы за гегемонию. Чем выше военные расходы (особенно при стремлении контролировать как можно более обширную территорию), тем напряженнее ситуация с ресурсами и выше возможность поражения, ведущего к утрате военного могущества и государственного распада.

Государство само по себе является экономической целостностью, формирующей самостоятельный классовый интерес государственного административного аппарата, нацеленного на максимизацию извлечения ресурсов с помощью налоговой и бюджетной политики. Их объективный соперник и противник – экономическая элита, чьи интересы состоят, в трактовке Коллинза, в уклонении от извлечения их собственных ресурсов. «Поскольку эти два класса социально и политически переплетены, в условиях государственного бюджетного кризиса конфликты разражаются внутри элиты. Эти конфликты вместе с финансовым аспектом самого кризиса, который парализует или отчуждает военные силы, достигают высшей точки в полномасштабном распаде вершины государства. Этот распад открывает дорогу революционным силам снизу» [4, с. 246]. Ситуация кризиса никогда не является результатом действия какого-либо одного фактора, тем более, когда речь идет о сложноорганизованных системах. Отдельные дисфункции могут компенсироваться другими подсистемами. Другое дело, когда кризис охватывает одновременно ведущие для воспроизводства государства подсистемы, приводя в действие механизмы обвального разрушения сложившегося порядка.

Другими словами, распад государства создается синергетическим взаимодействием бюджетного кризиса, внутриэлитного конфликта, парализующего административные структуры, всю систему власти, и «народного восстания», то есть протестного поведения и нелояльности населения. Первостепенную роль во взаимодействии этих факторов играют возрастающие военные расходы или же военное поражение. (При этом не всегда распад государства сопровождается сменой правящей элиты, общественного и политического строя).

Каким образом «работает» концепция Коллинза при объяснении советского «коллапса»?

Он начинает с того, что уровень мобилизации Советского блока к 80-м годам прошлого века превышал в 3,5 раза уровень мобилизации его противников, что привело к непропорционально высоким тратам на военный бюджет – около 20% ВВП, в ущерб расходам на гражданские нужды. Именно поэтому М. Горбачев в начале своей реформаторской деятельности объявил о программе сокращения вооруженных сил, ядерной деэскалации, конверсии ВПК в гражданское производство. Обеспечение войск на территориях стран Варшавского Договора, охрана гигантской сухопутной границы (58 000 километров), военная помощь союзникам на Кубе, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и Африке, наконец, дорогостоящая «интернациональная помощь» Афганистану, – все это непосильным бременем ложилось на союзный бюджет.

Государственный бюджетный кризис вызвал внутриэлитный конфликт – между той частью властной элиты, которая заинтересована в фискальном здоровье государства, и той, чей материальный интерес обеспечивается за счет других социальных групп, слоев (классов). Началось наступление на прежде незыблемое положение ВПК и армии, кульминацией которого стала попытка военно-промышленного переворота августа 1991 года.

Оборотная сторона чрезмерного расширения империи – этническая (культурная и политическая) враждебность населения, особенно в регионах, геополитически уязвимых с точки зрения отделения. Внешний слой советской империи – страны Варшавского Договора до поры до времени удерживались подавлением народных восстаний (1953, 1956 и 1968 годы) и взаимным принудительным контролем внутри коалиции, но как только обнаружилась геополитическая слабость СССР, оппозиционные движения в считанное время смели прокоммунистические политические режимы. «Внутри самого Советского Союза, – очень точно замечает Коллинз, – движения, которые вели к формальному распаду, мобилизовывались еще легче, потому что союзные республики были

уже организованы как номинально суверенные этнические группы» [4, с. 256]. Действенность власти базируется на доверии к ней со стороны общества (лучший вариант) или на общем страхе применения карательных санкций. В любом случае способность обеспечивать лояльность зависит от этого страха, который достаточно быстро исчезает в условиях кризиса и осознания низкой вероятности наказания за неподчинение власти.

Есть у Коллинза ответ тем версиям, которые сконцентрированы на личностной стороне произошедшего катаклизма, в которых перестройка и роспуск Варшавского Договора – это «предательство» М. Горбачева, а разрушение СССР – «предательство» Б. Ельцина. Биографическая сторона исторических событий всегда имеет большее или меньшее значение, но ее абсолютизация неизбежно придает мистический характер этим событиям. Но вопрос, традиционно для философии кардинальный, остается – в какой мере причиной поворотных моментов истории выступает отдельная личность? Коллинз утверждает: «Такие всемирно-исторические личности не появляются случайно, у них есть возможность приобрести всемирно-историческую значимость, только если они структурно находятся в такой позиции, где их действия имеют исключительно важные последствия. Такие позиции существуют только при наличии высокоцентрализованных структур власти и при условии, что властные коалиции к этому моменту раздроблены и постоянно сменяются» [4, с. 264–265]. Влияние и харизма политического деятеля, тем самым, определяется существующей социальной динамикой, опосредованно выражающейся в надеждах и требованиях, создаваемой этой динамикой. Дальше уже возникает вопрос, в какой мере ожидания опережающим темпом толкают лидера на дальнейшие действия, и в какой мере харизма ставится под угрозу или с убыстряющейся скоростью разрушается, тем самым делегитимируя всю систему власти. Отсюда вывод Коллинза : легитимность правителей изменяется вместе с внешним престижем могущества их государства; соответственно, революция трактуется как потеря такой легитимности и контроля над средствами принуждения, как распад государственных ресурсов [4, с. 235]. Так, перестройка, начатая Горбачевым, быстро превратила его в харизматическую фигуру, смещая легитимность политической власти лично на него. «Но, – замечает Коллинз, личная легитимность является обоюдоострым мечом, – особенно в ситуации непостоянства ресурсных основ. С углублением структурного кризиса и поражением Горбачева во внутриэлитном конфликте он был внезапно делегитимизирован; в свою очередь, его личное падение делегитимизировало весь режим» [4, с. 258].

Крах советского общества часто выводится из зашедшей в тупик идеологизированной экономики и политики СССР как социалистического общества. Коллинз формулирует мысль о том, что «идеология – это ближайшее, но не основное звено причинной цепи; она начинает действовать, только когда внутриэлитный конфликт и государственный фискальный кризис уже достигли значительной степени» [4, с. 265]. (При этом он признается, что ему недостает систематической теории того, какая появится идеология в разных типах случаев государственного распада, допуская вариант идеологии, ведущей в прошлое). Его основной тезис – идеология следует за геополитикой, идеологии, подобно правителям, делегитимируются с падениями властного престижа режимов, являющихся их носителями. Поэтому «...геополитически обусловленное поражение Советского Союза (и продолжающееся падение властного престижа коммунистов – сторонников реформ Горбачева) вызвало откат к антикоммунистической и прокапиталистической идеологии» [4, с. 266]. Внезапно выросший идеологический престиж капитализма в массовом сознании был обусловлен утопическими представлениями о «земном рае» высоких стандартов жизни, вне связи с пониманием его противоречий и черт, порой несовместимых с привычными нормами и ценностями прежнего общественного строя.

Таким образом, предпосылки и детерминанты грядущего кризиса разнопорядковы по своей значимости и времени действия. Как известно, Ф. Бродель выделял три основных пласта, взаимодействующих между собой, исторического времени. Время природы (la longue duree – «время большой длительности»), длящееся столетия или даже тысячелетия – медленное, вяло текущее время. В его границах течет другой уровень времени, связанного с экономическими и социальными циклами общества, растягивающегося, по меньшей мере, на многие десятилетия. Наконец, на поверхности всемирно-исторического процесса Бродель обнаруживает время дискретное, скачкообразное, сжатое – время человеческой деятельности, время событий политической истории [1]. Именно на это, третий порядок времени обращает внимание Коллинз, – самый короткий. Это время общественного движения, длящееся несколько дней, в течение которых власть как бы «подвешена и балансирует». В течение этого короткого срока мобилизуются толпы на улицах и волны энтузиазма или страха образуют массивные социальные сети, не последнюю

из которых составляют военные, примыкающие то к одному, то к другому центру власти. Вокруг этого микрофокуса времени, когда действительно осуществляется переход государственной власти, – революционных «дней» народной славы – существует полумрак полуинтенсивной мобилизации, длящейся несколько недель. На самом деле это время, когда обнаруживается неспособность власти прибегать к легитимному насилию как по отношению к странам – сателлитам, так и по отношению к собственному населению.

Выводы из краткого анализа ключевых положений концепции Коллинза достаточно просты. Перспективы плодотворной модернизации в России, не ломающей ее социокультурного кода, с неизбежностью связаны с сильным государством. При этом необходимо очень точно понимать современный смысл феномена «сильного государства», очищенного от его традиционной сакрализации, мессианско-идеологической функции, но сосредоточенного на прагматических управленческо-институциональных задачах. Архаическая версия модернизации, характерная для развивающихся стран, вместо бурного социального прогресса приводит к оттоку капитала, паразитическому потреблению природных ресурсов наряду с всплеском потребительского образа жизни в контексте резкой дифференциации роскоши и нищеты, отрицательно влияющих на уровень доверия к политической власти.

Настоятельная необходимость модернизации России следует хотя бы из геополитических реалий современности. Паритет (как минимум) или лидерство в отдельных направлениях международных отношений – условие сохранения территориальной целостности и безопасности российского государства. Без мощных, хорошо подготовленных вооруженных сил и развитого ВПК эта задача невыполнима, тем более, что мы обладаем по-прежнему гигантской территорией, громадными запасами топливно-энергетических и минеральных ресурсов, которые также надо защищать. Но эта государственная задача ни в коей мере не может служить оправданию имперских амбиций, «...о которые неоднократно разбивались российские модернизации и которые поглощали львиную долю российского экономического роста в прошлом» [6, с. 22].

Далее, легитимность власти и политических вождей всегда конкретно-исторична, она напрямую зависит от степени сплоченности властвующих элит и поддержки или просто лояльности населения. Соответственно, внутриэлитные конфликты и переход масс от нелояльности к протестным действиям ведут к делегитимации власти и последующей делегитимации политических лидеров, в целом – всего институционального порядка. Таким образом, макросоциальные процессы и структурные условия трансформируются в логику событий кризиса и распада государства. Подобная угроза сохраняется и сегодня, поскольку никакие патриотические подъемы (после победных чемпионатов и Олимпиад, возвращения Крыма и т.п.) не решают никаких насущных социально-экономических проблем. Эту тенденцию хорошо подтверждают социологические опросы в регионах. В соответствии с полученными данными, не самым лучшим образом для большинства опрошенных выглядят ожидания от ближайшего, 2016 года жизни. Только 33,9% уверены в своём нормальном будущем на ближайший год, а 58,2% не уверены, ещё 7,9% затруднились ответить. Пять главных причин неуверенности в будущем жителям Челябинска в августе представлялись следующими: низкий уровень жизни (недостаток материальных средств) – 60,4%; высокая вероятность потерять работу – 40,3%; болезни (хронические заболевания) – 27,3%; отсутствие постоянного места работы – 18,7%; плохие жилищные условия (отсутствие собственного жилья) – 15,8 [3, с. 59]. Мы имеем дело с очевидным – они только консервируют антимодернизационные процессы в экономике, политике и идеологии.

Содержание этой угрозы раскрывает Б. Макаренко, перечисляя ее составляющие:

– остановившийся экономический рост грозит перейти в откровенную рецессию, испорченные отношения с Западом и рост непредсказуемости во внешней политике России влекут отток капитала, падение курса рубля и сокращение инвестиций, подорожание кредитов;

– дальнейшая централизация регионов лишает региональные власти инициативы и стимулов к поиску стратегий роста;

– конфронтация с Западом сопровождается ростом охранительных мер по отношению к инакомыслящим и политической оппозиции, а нарастающее разочарование населения уровнем жизни компенсируется пропагандой официального патриотизма [5, с. 87–88].

Результирующим итогом этих и ряда других негативных процессов в экономике и политике становится рост бюджетного напряжения и остроты социальных проблем.

Конечно, при всех нерешенных (и плохо решаемых) проблемах модернизации российского общества и государства запас их прочности достаточно велик. «Крымский консенсус» не выдуман социологами и свидетельствует о высокой степени поддержки большинством населения внешней политики

государства. Вместе с тем мы (без Коллинза) знаем, что нет ничего вечного – массовые настроения подвержены эрозии под воздействием жизненных обстоятельств, они способны достаточно быстро изменить свои ориентиры, противоположные предыдущим. Но размышления Коллинза четко и ясно демонстрируют те угрозы, которые подстерегают государство, стремящееся оставаться одним из лидеров мирового сообщества за счет одностороннего наращивания военного могущества и имперской модели поведения.

1. Бродель, Ф. ВРЕМЯ МИРА. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. [Текст] / Ф. Бродель. Том 3. М.: Прогресс, 1992. 679 с.

2.Верт, Н. История Советского государства. 1900–1991 [Текст] / Н. Верт / пер. с фр. 2-е изд. М.: ИНФР-М, Издательство «Весь Мир», 2002. 544 с.

3. Зырянов, С.Г. Выборы на фоне кризиса: региональный сценарий // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 59–67.

4. Коллинз, Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса [Текст] / Р. Коллинз // Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 234–278.

5. Макаренко, Б. Посткрымский политический режим [Текст] / Б. Макаренко // Pro et Contra. 2014. ТОМ 18. № 3–4. С. 87–103.

6. Согрин, В.В. Уроки российской истории и современные реформы [Текст] / В.В. Согрин // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 3–23.

7.Турен, А. Возвращение человека действующего [Текст] / А. Турен. М.: Научный мир, 1998. 201 с.

8.Фельдман, Д.М. Россия после холодной войны [Текст] / Д.М. Фельдман // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 3. С. 3–13.

**References**

1. Brodel' F. (1992) VREMJa MIRA. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm. XVЮXVIII vv., tom 3. Moscow, Progress, 679 p. [in Rus].

2. Vert N. (2002) Istorija Sovetskogo gosudarstva. 1900-1991. Per. s fr. Moscow, INFR-M, Izdatel'stvo «Ves' mir», 544 p. [in Rus].

3. Zyrjanov S.G. *Socium i vlast',* 2015, no. 5 (55), pp. 59–67 [in Rus].

4. Kollinz R. (2000) Predskazanie v makrosociologii: sluchaj sovetskogo kollapsa // Vremja mira: Al'manah. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v HH veke / pod red. N.S. Rozova. Novosibirsk, pp. 234–278 [in Rus].

5. Makarenko B. (2014) *Pro et Contra,* tom 18, no. 3-4, pp. 87–103 [in Rus].

6. Sogrin V.V. (2002) *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 3–23 [in Rus].

7. Turen A. (1998) Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. Moscow, Nauchnyj mir, 201 p. [in Rus].

8. Fel'dman D.M. (1998) *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija,* no. 3, pp. 3–13 [in Rus].

UDC 321.01

# R. COLLINS ABOUT THE COLLAPSE OF THE SOVIET EMPIRE: EDUCATORY CONCLUSIONS

***Ershov Yury Gennadyevich,***
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration – branch,
Head of the Department Chair of Philosophy and Political Studies,
Doctor of Philosophy, Professor,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

*Annotation*
The article considers macro-sociological theory of autonomous dynamics of a state by R. Collins explaining the causes of the USSR collapse.
The author analyzes the coincidence of the budget crisis, inter-elite conflict and loss of power legitimacy. The author makes conclusions as for applying R. Collins's conception to modern Russian state.

*Key concepts:*
geopolitics,
empire,
state collapse,
legitimacy.